

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2019), 7–19
© The Author(s) 2019

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2019), 7–19
©Автор(ы) 2019

DOI: 10.18503/1992-0431-2019-2-64-7–19

ДЕРЕВЯННЫЕ МАСКИ КУЛЬТУРЫ СЯОХЭ

В.И. Молодин

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия
molodin@archaeology.nsc.ru

Аннотация. Статья посвящена выдающемуся исследователю проблем, связанных с первобытным искусством, доктору исторических наук, профессору Екатерине Георгиевне Дэвлет. Ее работы существенно обогатили наши представления о наскальных изображениях различных эпох и культур Евразии и Америки. Исследовательница активно использовала методы естественных наук. В статье дана общая характеристика деревянных масок со своеобразной иконографией, обнаруженных в захоронениях культуры эпохи бронзы сяохэ в китайской провинции Синьцзян. Благодаря высокой сухости климата, в погребениях сохранились предметы из органики, мумии погребенных и замечательные деревянные маски, сопровождавшие умершего в иной мир. В статье приводится их характеристика, определены сходные иконографические черты, возможные семантические реконструкции.

Ключевые слова: первобытное искусство, Екатерина Дэвлет, культура эпохи бронзы сяохэ, деревянные антропоморфные маски

Светлой памяти Екатерины Дэвлет – посвящаю

23 августа 2018 года отечественная наука понесла невосполнимую утрату, мы потеряли Екатерину Георгиевну Дэвлет – крупного специалиста по первобытному

Данные об авторе: Молодин Вячеслав Иванович – доктор исторических наук, академик РАН, заведующий отделом археологии палеометалла, главный научный сотрудник, Советник директора Института археологии и этнографии СО РАН.

Исследование выполнено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № 0329-2019-0003 «Историко-культурные процессы в Сибири и на сопредельных территориях».

искусству, доктора исторических наук, профессора, Ученого секретаря Института археологии РАН, лауреата премии им. И.Е. Забелина (РАН). Для меня этот человек навсегда останется просто Катей – молодой, красивой, умной женщиной, настоящим другом, коллегой и, если хотите – соратником.

Уход от нас Кати стал полной неожиданностью, хотя все мы, конечно, знали о ее тяжелейшей болезни. Общение с ней постоянно вселяло в меня уверенность во внутренние силы этого человека, уверенность в том, что она способна все преодолеть и выкарабкаться даже из той сложнейшей ситуации, которую уготовила ей судьба. К тому же ее окружали любящие люди – сын, муж, мама. Любовь была, конечно, взаимной, и Катя должна была жить хотя бы ради них... Ее мужество и стойкость меня просто поражали. Катя работала буквально до последних отпущенных ей минут. Еще 15 августа, в наш праздник – День археолога, я позвонил ей из экспедиции, и мы, как всегда, поговорили о многом...

А через какую-то неделю мне позвонил директор Института археологии академик Н.А. Макаров. В этот день звонили многие сотрудники Института, а потом, уже после похорон, супруг Кати – Эдуард Аркадьевич. Макаров сказал мне одну очень важную вещь. Он подчеркнул ту связь, которую осуществляла Екатерина Георгиевна из нашего головного института с научными центрами России, Сибири и Урала. И действительно, значимость Кати в осуществлении этой, по меньшей мере всероссийской интеграции трудно переоценить.

Для тех, кто не очень хорошо знал Екатерину Георгиевну, перечислю хотя бы некоторые нагрузки, которые на своих плечах несла эта женщина.

Прежде всего, она была великолепным Ученым, настоящим полевиком, работая в труднейших районах Азии – на Чукотке и в Приамурье. Кроме того, были еще экспедиции в Китае, Мексике, Абхазии, Киргизии, Сибири, Урале, Средней и Центральной Азии. Она по-настоящему любила поле, и поле платило ей тем же, даря порой удивительные открытия там, где казалось бы уже нечего было искать. Так было с петроглифами Пегтымеля на Чукотке, где экспедиция, которой руководила Екатерина Георгиевна, изучила памятник на принципиально качественно новом уровне¹. А чего стоит недавно открытое при ее непосредственном участии крашеное изображение верблюда в Каповой пещере на Урале!²

Она активно внедряла новейшие методы в изучении наскальных изображений, и это особенно проявилось при исследовании амурских петроглифов Сакачи-Аляна, где после фундаментальных работ академика А.П. Окладникова, казалось бы, уже нечего открывать³.

Блестящее знание иностранных языков позволило Е.Г. Дэвлет активно заниматься древним искусством Центральной Америки, чему была посвящена ее кандидатская диссертация⁴, защищенная, кстати, уже через пять лет после окончания университета.

Достаточно быстро была защищена и докторская диссертация «Памятники наскального искусства: изучение, сохранение, использование»⁵, которую я знаю

¹ Дэвлет 2014.

² Дэвлет, Пахунов, Агаджанян 2018.

³ Ласкин, Дэвлет, Ульянов 2017.

⁴ Дэвлет 1995.

⁵ Дэвлет 2003.

очень хорошо, поскольку выступал на ее защите в качестве официального оппонента.

Екатерина Георгиевна была блестящим организатором науки. До самого ухода она была Ученым секретарем Института археологии РАН, прекрасно контактировала со специалистами научных и учебных центров не только России, но и Европы и Америки. Огромная роль Кати заключалась в организации и проведении Всероссийских археологических съездов, где она работала в оргкомитетах, неся очень серьезную нагрузку.

Но и это еще не все. Екатерина много сил и времени отдавала работе с российскими научными фондами как руководитель и как участник проектов, а также как организатор конкурсов. Стоит отметить еще и то, что она являлась вице-президентом национального комитета России по управлению археологическим наследием, деятельно участвуя в подготовке и включении памятников истории и культуры России в список всемирного наследия ЮНЕСКО.

Екатерина Георгиевна к своим 50 годам пользовалась огромным авторитетом у профессионалов России и всего мира. Она была членом редколлегии центральных отечественных археологических журналов – «Археология, этнография и антропология Евразии» и «Российская археология», членом ряда международных комитетов по проблемам первобытного искусства, в том числе таких авторитетных, как Международный комитет по наскальному искусству (ICOMOS UNESCO) и Австралийская ассоциация исследователей наскального искусства (AURA).

Катя была автором и соавтором свыше 300 научных работ, в том числе пяти монографий, среди которых я бы особо отметил написанное совместно с Марьяной Арташировой Дэвлет фундаментальное сочинение «Сокровища наскального искусства Северной и Центральной Азии»⁶.

Хорошо зная научное творчество и увлечения Кати, я, тем не менее, долго думал над темой статьи в журнал, посвященный ее памяти. Перелистав ее доклад на V Всероссийском археологическом съезде на Алтае (где мы имели редкую возможность и время для общения), посвященный анализу сикачи-алянских личин⁷, я подумал, что ей было бы интересно поговорить о деревянных масках культуры сяохэ эпохи бронзы в китайском Синьцзяне.

Свой скромный труд я от всей души посвящаю светлой памяти этого замечательного человека и ученого.

* * *

Археологическая культура эпохи бронзы сяохэ открыта в Синьцзянском Китае. Своеобразие природной обстановки, прежде всего сухость климата (рис. 1), привели к тому, что до нашего времени великолепно сохранились погребальные комплексы могильников этой культуры, включающие деревянные саркофаги, ограды некрополей, мумии самих погребенных, одежду, обувь, головные уборы, утварь и другие предметы из органических материалов, датируемые китайскими коллегами XVII–XV вв. до н.э.⁸, то есть первой половиной II тыс. до н.э. Напомним читателю, что территорию Синьцзяна в районе озера Лобнор еще с конца

⁶ Дэвлет, Дэвлет 2011.

⁷ Дэвлет, Ласкин, Свойский и др. 2017.

⁸ Молодин, Комиссаров 2016, 509.

Рис. 1. Южный Синьцзян. Типичный ландшафт (по: [Qi Xiaoshan, Wang Bo 2008])

XIX в. посещали разнообразные экспедиции, однако открытие знаменитого могильника эпохи бронзы культуры сяохэ Озеро Лобнор принято связывать с именем археолога Фольке Бергмана, входившего в состав экспедиции выдающегося шведского ученого и путешественника Свена Гедина⁹. В 1934 г. Ф. Бергман открыл и исследовал данный памятник, а в 1939 г. издал полученные материалы монографически¹⁰. В начале XXI в. исследования памятника были продолжены китайским археологом И. Абдурасулом¹¹.

В состав замечательной коллекции из органических материалов, которые не сохраняются в иных условиях (кроме мерзлоты), входит серия деревянных масок, оригинальных по форме и размерам, наделенных, несомненно, своеобразной семантикой. Эти предметы привлекают внимание китайских специалистов, однако в России известны пока слабо – и это при том, что, с моей точки зрения, их вполне доказательно можно семантически связать с известными проявлениями в культурах эпохи бронзы Западной и Южной Сибири.

В настоящее время, согласно имеющимся и вышедшим преимущественно в Китае публикациям, речь идет не менее чем о десятке масок, обнаруженных на памятниках культуры сяохэ – Озеро Лобнор и Бейфан на реке Керия в окрестностях г. Аксу, а также в музеях Синьцзяна и в частных коллекциях, экспонируемых в Национальном музее Республики Корея, вывезенных из Синьцзяна японской

⁹ Гедин 2017.

¹⁰ Bergman 1939.

¹¹ Молодин, Комиссаров 2016, 509–512.

экспедицией, организованной Отани Кодзуи. Мне представляется, что в настоящей работе следует рассмотреть суммарные параметры этих замечательных предметов, поскольку я не имел возможности работать над самим материалом, хотя и видел отдельные образцы на выставке в Берлине и в экспозиции Национального музея Республики Корея в Сеуле. Вместе с тем имеются достаточно качественные их публикации, что позволяет изложить свое видение проблемы.

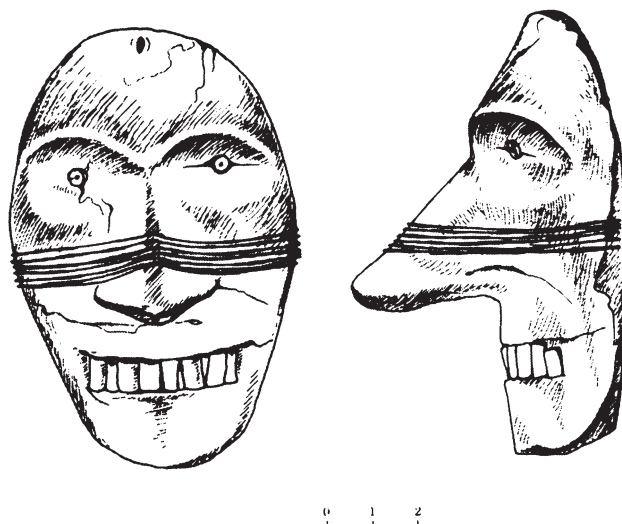

Рис. 2. Деревянная маска из могильника Озеро Лобнор. Погребение № 13.
(по: [Xinjang... 2007])

Итак, деревянные маски, о которых идет речь, отличаются сравнительно небольшими размерами: их высота не превышает 10 см, ширина – 6 см, форма маски – овальная (рис. 2–6). Маска выполнялась из цельного куска дерева, что демонстрирует несомненное мастерство резчика. Иногда лицевая поверхность маски была обтянута тонкой кожей, окрашенной красным или бордовым красителем. Иконографию масок сближает набор общих черт, о которых следует сказать особо. Во-первых, перед нами ярко выраженные изображения европеоидов, черты лица всех масок переданы как бы гипертрофированными. Подчеркнуто выразительно показаны огромные выступающие носы (рис. 2–6), которые не оставляют нам каких-либо сомнений в том, что изображен ярко выраженный европеоид. Данную принадлежность подтверждают широко раскрытые глаза и оскаленные рты. При этом радужные оболочки глаз и массивные зубы выполнены из материалов молочно-белого цвета – костей животного или перламутра (раковина). Иногда на тыльной стороне маски в верхней части выявлены небольшие круглые отверстия, а также фрагменты шерстяных нитей красного цвета. Вероятно, отверстия и шерстяные нити предназначались для подвешивания изделий или крепления к какой-то основе. На одной маске из могилы С памятника могильник Озеро Лобнор (рис. 3) толстый красноватый веревочный жгут продернут горизонтально, вдоль надбровных дуг личины. Интересно, что в центральной части ее оборотной сто-

Рис. 3. Деревянная маска из могильника Озеро Лобнор. Погребение С. Вид сбоку, вид сзади, вид спереди (по: [Wieczorek, Lind 2007])

Рис. 4. Деревянная маска культуры сяохэ из Синьцзяна. Фонды Национального музея Республики Корея, Сеул. (по: [Куннин... 2016: а – вид спереди; б – вид сбоку])

Рис. 5. Деревянная маска культуры сяохэ из Синьцзяна. Фонды Национального музея Республики Корея. Сеул. (по: [Куннин... 2016; а – вид спереди; б – вид сбоку])

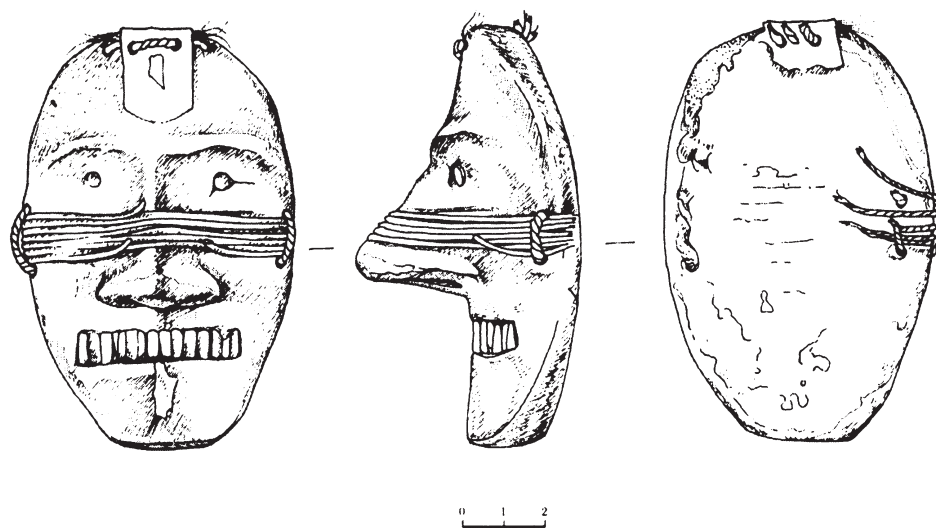

Рис. 6. Деревянная маска из могильника Озеро Лобнор. Погребение № 24 (по: [Xiniang... 2007])

роны тонкой гравировкой нанесены семь горизонтальных линий, пересекающих все плоское поле маски. Это явное свидетельство того, что не только лицевая, но и оборотная сторона изделия имела определенное семантическое значение.

На одной из масок, хранящихся в Сеуле, на лбу и подбородке имеются вставки из олова или оловянистой бронзы¹². Данное проявление не является случайным – на лбу маски из могильника Озеро Лобнор (погребение № 24) (рис. 6) была прикреплена массивная подчетыреугольная пластина из высокооловянистой бронзы¹³.

Большинство масок отличается тем, что на лицевую часть предмета и переносицу помещался довольно широкий поясик из нитей, который пересекал маску и как бы делил ее на две половины – верхнюю и нижнюю (рис. 2–6).

Таким образом, известные на сегодняшний день маски сближают между собой такие отмеченные выше черты, как европеоидность, массивные, явно утрированные носы, зубы и глаза, а также горизонтально нанесенные через лицо и среднюю часть носа специальные повязки.

Имеющиеся в моем распоряжении данные показывают, что в нескольких случаях, когда маска опубликована *in situ*¹⁴, она лежала на левой стороне груди мумии, ближе к поясу (рис. 7). Это наглядно демонстрирует предназначение маски, по крайней мере, одну из сторон, связанную с потусторонним миром. Очевидно, что рассматриваемые маски не были предназначены для ношения. Скорее всего, они являются своеобразным символом, изображающим предка или сверхъестественного духа, своего рода источника силы¹⁵, соединяющего умершего с миром духов. По моему мнению, антропоморфные изображения человеческих голов из камня, известные по материалам самусьской культуры эпохи бронзы в Западной Сибири¹⁶, могли семантически исполнять сходные функции, тем более что самусьская культура и культура сяохэ близки по времени.

Особое место в иконографии масок культуры сяохэ занимает горизонтальная обмотка, нанесенная поперек лицевой части маски, сохранившаяся на большинстве произведений (рис. 2–6). Обмотка выполнена из прокрашенных красной краской тонких веревочек, плотно прилегающих друг к другу. Она разделяет личину как бы на две части и проходит в средней части носа. Мне представляется, что в качестве аналогий вполне корректно провести сопоставление с масками, изображенными на стелах и плитах окуневской культуры Южной Сибири¹⁷, хронологически близкой культуре сяохэ в Синьцзяне. Известные параллели в этих культурах подчеркивают и наши китайские коллеги¹⁸. На ряде окуневских личин – масках окуневской культуры – имеют место горизонтально нанесенные полосы, которые проходят через все лицо и нос персонажа¹⁹. Существуют даже попытки их семантического осмысления. Не вдаваясь в решение этой, несомненно, особой проблемы, отмечу лишь, что ряд исследователей склонны усматривать в этих

¹² Куннин... 2016, рис. 4.

¹³ Xinjang ... 2007.

¹⁴ Wieszorek, Lind 2007, 109; Xinjang ... 2007, 14.

¹⁵ О'Коннелл, Эйри 2009, 29.

¹⁶ Матющенко 2006, рис. 2-1, 3, 6, 8.

¹⁷ Вадецкая 1967; Leont'ev, Kapel'ko 2002.

¹⁸ Go U 2012.

¹⁹ Леонтьев 1997.

Рис. 7. Погребение культуры сяохэ (фрагмент) могильника Озеро Лобнор. Деревянная маска *in situ* в могиле (по: [Wieczorek, Lind 2007])

пересекающих горизонтально все лицо и нос линиях идею тройственной структуры Вселенной²⁰. Насколько справедливо данное суждение, однозначно сказать сложно, однако то, что перед нами сходное проявление иррациональных идей, с моей точки зрения – очевидно.

Если говорить о возможных истоках традиции появления деревянных масок в культуре сяохэ, то, судя по всему, можно указать на предшествующую ей культуру гумугоу в этом же районе Синьцзяна, где в одном из комплексов была обнаружена близкая по форме деревянная маска²¹, впрочем, отличающаяся иной иконографией. Она более реалистична и не содержит нарочито утрированных черт человеческого лица. Уместно добавить, что могильники данной культуры эпохи ранней бронзы однозначно связаны с захоронениями европеоидного населения²².

Таким образом, деревянные маски культуры сяохэ представляют замечательные, своеобразные образцы пластического искусства эпохи бронзы Центральной Азии. Мне думается, что более углубленное их изучение с использованием естественнонаучного подхода наверняка даст оригинальную научную информацию, которая приблизит нас к разгадке семантики этих удивительных предметов.

ЛИТЕРАТУРА

- Вадецкая, Э.Б. 1967: *Древние идолы Енисея*. Л.
- Гедин, С.А. 2017: *В сердце Азии. Памир-Тибет-Восточный Туркестан*. М.
- Дэвлет, Е.Г. 1995: *Искусство индейцев нижней Центральной Америки в доколумбову эпоху*. автореф. на соиск. уч. степ. к.и.н. М.
- Дэвлет, Е.Г. 2003: *Памятники наскального искусства. Изучение, сохранение, использование*: автореф. на соиск. уч. степ. д.и.н. М.
- Дэвлет, Е.Г. 2014: К вопросу о технико-технологических особенностях петроглифов Пегтымеля. *РА* 3, 66–78.
- Дэвлет, Е.Г., Дэвлет, М.А. 2011: *Сокровища наскального искусства Северной и Центральной Азии*. М.
- Дэвлет, Е.Г., Ласкин, А.Р., Свойский, Ю.М., Романенко, Е.В., Тимофеева, А.С., Пахунов, А.С. 2017: Трехмерное документирование – инструмент передачи иконографических особенностей личин Сикачи-Аляна. В сб.: *Тр. V (XXI) ВАС*, 346–347.
- Дэвлет, Е.Г., Пахунов, А.С., Агаджанян, А.К. 2018: Пополнение бестиария Каповой пещеры (об изображении в зале хаоса). *РА* 2, 19–32.
- Кызласов, И.Л. 1987: Лик Вселенной (к семантике древнейших изваяний Енисея). В сб.: *Религиозные представления в первобытном обществе*. М., 127–130.
- Кызласов, Л.Р. 1986: *Древнейшая Хакасия*. М.
- Куннин гукан панмультван соджан Лобнор, Нуран чхультхонхум 2016 (*Археологические находки из окрестностей оз. Лобнор и городища Лоулань в фондах Центрального национального музея Республики Корея*). Сеул: Центральный национальный музей Республики Корея (на корейском яз.).
- Ласкин, А.Р., Дэвлет, Е.Г., Ульянов, А.А. 2017: Репертуар петроглифов Сикачи-Аляна: статистические данные. В сб.: *Тр. V (XXI) ВАС*, 606–607.
- Леонтьев, Н.В. 1997: Стела с реки Аскиз (образ мужского божества в окуневском изобразительном искусстве). В сб.: Д.Г. Савинов, М.Л. Подольский (ред.), *Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология*. СПб, 222–236.

²⁰ Кызласов 1986, 199; Кызласов 1987, 128; Подольский 1987, 127; Леонтьев 1997, 227, рис. 13, 14.

²¹ Qi Xiaoshan, Wang Bo 2008, 22, fig. 6.

²² Молодин, Алкин 1997.

- Матющенко, В.И. 2006: О северо-западных границах самусьско-окуневской общности. В сб.: Д.Г. Савинов, М.Л. Подольский, А. Наглер, К.В. Чугунов (ред.), *Окуневский сборник. 2. Культура и ее окружение*. СПб, 312–321.
- Молодин, В.И., Алкин, С.В. 1997: Гумугоу (Синьцзян) в контексте афанасьевской культуры. В сб.: *Гуманитарные исследования: итоги последних лет: тезисы научной конференции к 35-летию НГУ*. Новосибирск, 35–38.
- Молодин, В.И., Комиссаров, С.А. 2016: Культура сяохэ. В кн.: А.П. Деревянко (ред.), *История Китая с древнейших времен до начала XXI века*. Т. 1. *Древнейшая и древняя история (по археологическим данным). От палеолита до V в. до н.э.* М., 509–512.
- О'Коннел, М., Эйри, Р. 2007: *Знаки и символы: иллюстрированная энциклопедия*. М.
- Подольский, М.Л. 1987: Окуневские изваяния и оленные камни. В сб.: А.И. Мартынов, В.И. Молодин (ред.), *Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология*. Новосибирск, 127–132.
- Bergman, F. 1939: *Archeological research in Sinkiang*. Stockholm.
- Go, U 2012: *Archaeological Research on the Societies of the Late Prehistoric Xinjiang*. Urumci. (на китайском яз.)
- Leontyev, N.V., Kapel'ko, V.F. 2002: *Steinstelen der Okunev Kultur. Archäologie in Eurasien*. Bd. 13. Berlin.
- Qi Xiaoshan, Wang Bo 2008: *The Ancient Culture in Xinjiang along the Silk Road*. Urumci. (на англ. и кит.яз.)
- Wieczorek, A., Lind, C. 2007: *Ursprünge der Seidenstraße*. Sensationelle Neufunde aus Xinjiang, China – Mannheim, 106–133.
- Xinjiang Institute of Cultural Relicts and Archaeology, Excavation of the Xiaohu Cemetery of Lopnor in 2003. In: *Cultural Relicts of Xinjiang*. 2007. No. 1(85), 1–54 (на китайском яз.).

REFERENCES

- Bergman, F. 1939: *Archeological research in Sinkiang*. Stockholm.
- Devlet, E.G. 1995: *Iskusstvo indeytsev nizhney Tsentral'noy Ameriki v dokolumbovu epokhu: avtoref. na sois. uch. step. kand. ist. nauk [The Art of the Indians of Lower Central America in the Pre-Columbian Era. PhD Thesis]*. Moscow.
- Devlet, E.G. 2003: *Pamyatniki naskal'nogo iskusstva. Izuchenie, sokhranenie, ispol'zovanie: avtoref. na sois. uch. step. kand. ist. nauk [Monuments of the Rock art. Study, preservation and use. Doctoral Thesis]*. Moscow.
- Devlet, E.G. 2014: К вопросу о технико-технологических особенностях петроглифов Пегтумлея [On the issue of technical and technological features of Pegtymelie's petroglyphs]. *Rossiyskaya Arkheologia [Russian Archaeology]* 3, 66–78.
- Devlet, E.G., Devlet, M.A. 2011: *Sokrovishcha naskal'nogo iskusstva Severnoy i Tsentral'noy Azii [Treasures of the Rock art of Northern and Central Asia]*. Moscow.
- Devlet, E.G., Laskin, A.R., Svoyskiy, Yu.M., Romanenko, E.V., Timofeeva, A.S., Pakhunov, A.S. 2017: Trekhmernoe dokumentirovanie – instrument peredachi ikonograficheskikh osobnostey lichin Sikachi-Alyana [Three-dimensional documentation as a tool for transferring the iconographic features of Sikachi-Alyan masks]. In: A.P. Derevyanko, A.A. Tishkin (eds.), *V (XXI) Vserossiyskiy arkhеологический s'ezd v Barnaule-Belokurikhe. Sbornik nauchnykh trudov [Proceedings of the 5th (21st) All-Russian Archaeological Congress in Barnaul-Belokurikha]*. Vol. III. Barnaul, 346–347.
- Devlet, E.G., Pakhunov, A.S., Agadzhanian, A.K. 2018: Popolnenie bestiariya Kapovoy peshchery (ob izobrazhenii v zale khaosa) [Replenishment of the bestiary of the Kapova Cave (on the image in the Hall of Chaos)]. *Rossiyskay Arkheologia [Russian Archaeology]* 2, 19–32.

- Gedin, S.A. 2017: *V serdtse Azii. Pamir-Tibet-Vostochnyy Turkestan* [In the heart of Asia. Pamir-Tibet-East Turkestan]. Moscow.
- Go U 2012: *Archaeological Research on the Societies of the Late Prehistoric Xinjiang*. Urumci. (In Chinese).
- Kunnin gukan panmul'gvan sodzhan Lobnor; Nuran chkhul'thophum 2016* (Archaeological finds from the vicinity of Lake Lobnor and Loulan ancient settlements in the funds of the Central National Museum of the Republic of Korea). Seul. (In Korean).
- Kyzlasov, I.L. 1987: Lik Vselennoy (k semantike drevneyshikh izvayaniy Eniseya) [The Face of the Universe (to the semantics of the most ancient statues of the Yenisei)]. In: *Religioznye predstavleniya v pervobytnom obshchestve* [Religious representations in the primitive society]. Moscow, 127–130.
- Kyzlasov, L.R. 1986: *Drevneyshaya Khakasiya* [Ancient Khakasiya]. Moscow.
- Laskin, A.R., Devlet, E.G., Ul'yanov, A.A. 2017: Repertuar petroglifov Sikachi-Alyana: statisticheskie dannye [The repertoire of Sikachi-Alyan petroglyphs: statistics]. In: A.P. Derevyanko, A.A. Tishkin (eds.), *V (XXI) Vserossiyskiy arkheologicheskiy s'ezd v Barnaule-Belokurikhe. Sbornik nauchnykh trudov* [Proceedings of the 5th (21st) All-Russian Archaeological Congress in Barnaul-Belokurikha]. Vol. III. Barnaul, 606–607.
- Leontyev, N.V. 1997: Stela s reki Askiz (obraz muzhskogo bozhestva v okunevskom izobrazitel'nom iskusstve) [Stele from the River Askiz (image of a male deity in the Okunev art)]. In: D.G. Savinov, M.L. Podolskiy (eds.), *Okunevskiy sbornik. Kul'tura. Iskusstvo. Antropologiya* [Okunev Collection. Culture. Art. Anthropology]. Saint Petersburg, 222–236.
- Leontyev, N.V., Kapel'ko, V.F. 2002: *Steinstelen der Okunev Kultur. Archäologie in Eurasien*. Bd. 13. Berlin.
- Matyushchenko, V.I. 2006: O severo-zapadnykh granitsakh samus'sko-okunevskoy obshchnosti [On the Northwestern borders of the Samus'-Okunev culture]. In: D.G. Savinov, M.L. Podolskiy, A. Nagler, K.V. Chugunov (eds.), *Okunevskiy sbornik 2. Kul'tura i ee okruzhenie* [Okunev Collection 2. Culture and its environment]. Saint Petersburg, 312–321.
- Molodin, V.I., Alkin, S.V. 1997: Gumugou (Sin'czyan) v kontekste afanas'evskoy kul'tury [Gumugou (Xinjiang) in the context of Afanasyev culture]. In: *Gumanitarnye issledovaniya: itogi poslednikh let: teziy nauchnoy konferentsii k 35-letiyu NGU* [Humanitarian research: results of recent years: theses of a scientific conference on the 35th anniversary of the Novosibirsk State University]. Novosibirsk, 35–38.
- Molodin, V.I., Komissarov, S.A. 2016: Kul'tura syaohekh [Xiaohe culture]. In: A.P. Derevyanko (ed.), *Istoriya Kitaya s drevneyshikh vremen do nachala XXI veka*. T. 1. *Drevneyshaya i drevnyaya istoriya (po arkheologicheskim dannym). Ot paleolita do V v. do n.e.* [The history of China from ancient times to the beginning of the 21st century. Vol. 1: The oldest and ancient history (according to archaeological data). From the Paleolithic to the Fifth century BC]. Moscow, 509–512.
- O'Konnell, M., Airey, R. 2007: *Znaki i simvol'y: illyustrirovannaya entsiklopediya* [Signs and symbols: illustrated encyclopedia]. Moscow.
- Podolskiy, M.L. 1987: Okunevskie izvayaniya i olennye kamni [Okunev sculptures and deer stones]. In: A.I. Martynov, V.I. Molodin (eds.), *Skifo-sibirskiy mir. Iskusstvo i ideologiya* [Scythian-Siberian world. Art and ideology]. Novosibirsk, 127–132.
- Qi Xiaoshan, Wang Bo 2008: *The Ancient Culture in Xinjiang along the Silk Road*. Urumci. (In English and Chinese).
- Vadetskaya, E.B. 1967: *Drevnie idoly Eniseya* [The ancient idols of the Yenisei]. Leningrad.
- Wieczorek, A., Lind, C. 2007: *Ursprünge der Seidenstraße*. Sensationelle Neufunde aus Xinjiang, China – Mannheim, 106–133.
- Xinjiang Institute of Cultural Relics and Archaeology, Excavation of the Xiaohe Cemetery of Lopnor in 2003. In: *Cultural Relics of Xinjiang*. 2007. 1(85), 1–54. (In Chinese).

WOODEN MASKS OF THE XIAOHE CULTURE

Vyacheslav I. Molodin

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia
molodin@archaeology.nsc.ru

Abstract. The article is devoted to the great researcher of prehistoric art, Doctor of Historical Sciences, Professor Ekaterina Georgievna Devlet. Her studies fundamentally enriched our knowledge about the Rock art of different periods and cultures of Eurasia and America. The researcher extensively used the methods of natural sciences. The article represents the general description of wooden masks with the original iconography found in the burials of the Xiaohe Bronze Age culture in the Chinese province of Xinjiang. The organic artifacts, mummies and unique wooden masks of accompanying the deceased to another world were preserved because of dry climate. The authors have identified similar iconographic features and possible semantic reconstructions as well.

Keywords: prehistoric art, Ekaterina Devlet, the Xiaohe Bronze Age culture, wooden anthropomorphic masks

---
